

Плейлист

Марта

Ava Max – Sweet but Psycho
Haley Reinhart – Hit The Ground Runnin'
Julia Michaels – Give It To You
Kenna Childs – You Say
ANNA ASTI – Ночью на кухне

Тим

Sam Smith, Calvin Harris – Promises
Hozier – Movement
Nico Santos – Wings
OneRepublic – Counting Stars
DJ Snake, Lauv – A Different Way

В клубе

OneRepublic – If I Lose Myself

Ava Max, Witt Lowry – Into Your Arms
James Bay – Chew On My Heart
Jeremy Camp – Keep Me In The Moment
Dagny – Somebody
Zara Larsson – Love Me Land

*Частично основано на реальных событиях.
Все имена изменены, любые совпадения случайны.*

- 1 -

Тим

Обычная ночь. Ничем не выделяется из сотен таких же.

Грохот музыки долбит по вискам, воздух — крепкая смесь парфюма и сигаретного дыма. Вокруг полно торчков со стеклянными глазами и пьяных в хлам идиотов.

Сегодня клуб забит девочками всех мастей — выбрай любую, и для меня нет недоступных. Стоит только поманить, и вот, например, та в коротком леопардовом платье будет счастлива поехать со мной куда угодно. Или эта, с пьяной улыбкой и прилипшими к потной шее светлыми прядями волос, ритмично дергающаяся на танцполе под дружный мужской свист: она отдастся мне без лишних разговоров прямо в уборной, где я прижму ее к холодной, грязной стене, выложенной керамической плиткой. Такая не будет брезговать витающими в туалете запахами, потому что ей все равно — кто, где и как берет ее, главное — получить свое. Немного удовольствия и немного комплиментов.

Но я прохожу мимо.

Не потому, что мне неинтересно то, что каждая из присутствующих девушек может предложить, о нет: просто мой зверь на сегодня сыт. Я утолил его голод буквально полчаса назад. В своем каби-

нете, куда притащил вон ту брюнеточку, которая, захлебываясь от восторга, рассказывает сейчас подружкам у бара, что была со мной.

У нее милая мордашка и не самая стремная задница. Я оценил бы ее вид сзади на троечку, но тонкая талия и упругая грудь, получив по десять баллов из десяти, поднимают ее рейтинг выше. Сейчас она машет мне рукой, воображая, что стала для меня кем-то особенным.

За один быстрый, ничего не значащий перепис? Умоляю!

Я отворачиваюсь, не давая ей возможности похвастать перед подружками тем, что она только что трахалась с самим владельцем клуба, и поэтому имеет теперь какие-то привилегии. Такие идиотки всегда наивно полагают, что, переспав со мной, они получают нечто вроде ВИП-статуса, который не обязывает их с этого момента оплачивать вход и коктейли. Тупые, бесполезные курицы. Дешевки.

Я даже под дулом пистолета не вспомню, как ее звали. А пройдет еще полчаса, забуду и как выглядело ее лицо.

Обычная ночь. И мне, по обыкновению, скучно.

Это ощущение не покидает меня уже много лет. Хотя, если честно, даже не помню, когда в последний раз испытывал живой интерес к чему-то или кому-то хотя бы дольше суток.

Ску-ко-га...

Я выхожу из клуба и закуриваю. Жадно тяну дым, глядя в даль. Здание покидают пьяные малолетки. Они проходят мимо, кокетливо улыбаясь и звонко хихикая. Набиваются впятером в подъезжающее такси — дома нужно быть к полуночи, а то мамка заругает. А отец даст ремня.

- Обаятельное чудовище -

Я медленно бреду к стоянке, где припаркован мой черный Ducati. Мощный спортбайк, от вида которого я сам готов пищать, точно старшеклассница, смущенная видом члена.

Застегиваю кожаную куртку и опираюсь бедром на мотоцикл. Докуриваю, выдыхаю дым и отточенным движением швыряю окурок в сторону урны. Тот, словно надсмехаясь надо мной, ударяется о ее край и, взвиваясь искрами, летит на асфальт. Мимо.

Тихо выругавшись, надеваю шлем, сажусь, убираю подножку, завожу байк и включаю свет. Синеватый луч мягко рассеивает темноту улицы. Выжимаю сцепление, включаю первую передачу и резко срываю мотоцикл с места.

Ночные дороги почти пусты.

Я быстро разгоняю железного коня до ста восьмидесяти. Еду по кольцу, ловко маневрируя между редкими машинами. Обхожу их, как стоячих. И лишь светофор заставляет меня остановиться.

Нетерпеливо газую, гипнотизируя мелькающие на табло цвета. Слева подъезжает Audi A4, стекло опускается.

— Ты, сучонок! — орет этот придурок, пытаюсь привлечь мое внимание. — На хрена меня подрезал?

Но уже горит зеленый, и я показываю ему средний палец. А затем срываюсь с места, левой ногой снося к чертовой матери боковое зеркальце Audi. Сам ухмыляюсь, глядя в зеркало заднего вида на удаляющуюся из поля зрения машину.

Ветер шумит, заглушая стук сердца.

Двигаюсь с такой скоростью, что мелькающие витрины магазинов превращаются в ускоренную киноленту. Надписи прочесть уже нереально. Притормаживаю, только когда проезжаю пост ДПС. На се-

годня адреналина достаточно. Плавно сворачиваю на съезд, ведущий к одному из спальных районов. До дома остается всего ничего, и я зеваю, останавливаясь на очередном светофоре.

Внезапно меня отвлекает звук: справа тормозит красно-черный роскошный спортивный байк Honda CBR. Равняется со мной в соседней полосе. В седле сидит дриц в защитной экипировке. «Ему не мешало бы малость подкачаться», — думаю я.

Отворачиваюсь, но слышу, как он снова и снова методично выжимает газ, словно дразня меня. «Хватит с меня сегодня гонок. Тем более с убогими».

Не реагирую.

Но этот придурок отпускает сцепление, и красно-черный байк дергает вперед аж на полметра. «Просто торопится? Или нервы ни к черту?» Но чувствую, что он смотрит на меня. Даже не видя его глаз, ощущаю азарт во взгляде, слышу вызов в реве мотора.

— Слышь, дебил? — открываю стекло шлема. — Я сегодня нагонялся, отвали!

Его железный конь подает голос и опять рвется вскачь.

Скрещиваю руки на груди:

— Заканчивай гнуть понты, ладно?

И в ответ получаю неприличный жест с его стороны.

— Это ты мне? — усмехаюсь.

Но «смертнику» до меня словно и дела нет. Он смотрит на светофор, затем на дорогу и явно готовится резко стартовать.

Обычно я не веду на дешевые понты, но козла надо наказать. Выжимаю газ, заставляя Ducati

- Обаятельное чудовище -

угрожающе рычать. Резким кивком опускаю стекло шлема.

«Сейчас ты узнаешь, на что я спосо...»

Не дожидаясь зеленого сигнала светофора, Honda вырывается на перекресток, громко полируя асфальт. С ревом и буксами, выстреливает вперед, оставляя меня нюхать выхлопные газы и запах жженой резины.

— Твою же мать... — и, матерясь про себя, срываюсь за ним.

Пытаюсь наваливать изо всех сил, еду агрессивно и по чуть-чуть, но все-таки догоняю его. Он забирает широко на повороте, позволяя мне немного приблизиться, и я с трудом удерживаю передок байка, когда этот тип опасно подрезает меня. Колеса слизывают асфальт, звонко визжит резина.

Мне хочется вернуть должок, и я не сдаюсь. Еще раз опасно приближаюсь. Я уже у него на пятках. Делаю мощный рывок, и... он ошибается. Сворачивает в один из проулков — прямо в тупик. Видимо, не ориентируется на местности. И это мне только на руку.

— Вот я тебя и поймал.

Поняв, что загнан в угол, он разворачивается в конце каменного коридора и останавливает байк. Мы в закутке между зданий, бежать ему некуда.

Я останавливаюсь тоже.левой ногой отстегиваю подножку, ставлю байк и слезаю. Снимаю шлем, держу его в руке. Приближаюсь к застывшему противнику.

— Ты охренел? — ору, подлетая к нему.

И грубо бью ладонью по корпусу шлема, чтобы он его снял.

Голова противника немного отлетает назад, и он замирает. Но только на секунду. В следующее мгновение незнакомец ловким движением сдергивает шлем, и перед моим лицом золотистыми искрами костра разлетаются... огненно-рыжие волосы. Длинные, ниже плеч, слегка вьющиеся на концах. Теперь хорошо видно, что она брюнетка, и в красно-рыжий у нее выкрашены лишь отдельные пряди, но зрелище, так похожее на короткое замыкание, вызывает у меня непреодолимый ступор.

Я немею. Хочется присвистнуть, но получается только облизнуть пересохшие губы. Тело не слушается.

Я пялюсь на ее рот, на пухлые губы правильной формы, на гневный взгляд сияющих черных глаз из-под полуопущенных век, нежную шею и молочно-бледную бархатную кожу, по которой почему-то очень хочется провести пальцами.

И неожиданно получаю пощечину. С размаху. Хрясь!

И у меня из глаз летят искры.

«А у малышки тяжелая рука», — проносится в голове, пока я удивленно прикладываю ладонь к звенящей от боли щеке.

В этот момент она возвращает свой шлем на прежнее место, выжимает сцепление, врубает первую передачу и резко рвет с места.

— Эй, — только начинаю говорить я, оборачиваясь ей вслед.

И вижу, как она ударяет левой ногой в бак моего Ducati. Байк заваливается на бок с глухим тупым звуком. Фоном к нему слышится треск пластмассы. А эта стерва, не дожидаясь моей реакции, пулей уносится прочь — в темноту летней ночи.

- Обаятельное чудовище -

Выругавшись, медленно подхожу к мотоциклу. Поднимаю и осматриваю его. Треснул правый обтекатель двигателя, замят глушитель.

— Вот сука!

Сажусь, завожу мотор, надеваю шлем, убираю подножку и срываю мотоцикл с места. Сильно закладываю вираж, набираю скорость и вторгаюсь в темноту ночных улиц злым ревом мотора.

На таком видном байке ей не остаться надолго незамеченной в городе. И уж точно не спрятаться от моей ярости.

Эта ночь больше не кажется мне обычной.

Марта

Паркую байк прямо на подъездной дорожке и остервенело сдираю шлем с головы.

— Придурок!

Не знаю, почему меня все еще трясет. Может, я не была готова к тому, что ударят?

И пусть это был просто тычок, всего лишь легкий удар по корпусу гермака¹, но он сработал как искра, вспыхнувшая в сознании. «Никто. Больше никто и никогда не посмеет тронуть меня! Я не позволю. Клянусь. Лучше сдохну, чем допущу повторение этого ужаса».

Вешаю шлем на багажник, опускаю голову, упираюсь руками в сиденье и дышу. Вдох, выдох. Медленно считаю до десяти. Психолог рекомендовал этот способ, чтобы быстро привести дыхание в порядок. Ни

¹ Мотоциклетный шлем. (Прим. авт.) Все примечания, не обозначенные как *Прим. авт.*, принадлежат редактору.

черта не помогает! Будь она проклята со своими внушениями! Ни один ее совет не работает, стоит мне только вновь окунуться в черноту воспоминаний.

Закрываю глаза, и в памяти вновь вспыхивают картинки.

Безупречное лицо, неистово перекошенное от злости. Сверкающие гневом зеленые глаза — взгляд самого дьявола. Парень только приближается, а его ненависть режет меня на расстоянии. Мне довелось испытать много боли в своей жизни, но в последние месяцы я расслабилась и начала забывать, что значит быть жертвой. И вот этот удар.

Моя голова дергается от неожиданности. Уши закладывает от хлопка по пластмассовому корпусу шлема. Парень ждет ответа, недовольно и даже брезгливо поджав красивые губы. Я прихожу в себя, рассматривая сквозь темное стекло тонкие морщинки, исказившие его рот гневной улыбкой-гримасой. Пожар в груди разгорается, и моя собственная злоба выстреливает наружу.

Сдергиваю гермак, размахиваюсь — бах! И крепкая, увесистая пощечина оседает пылающим ожогом на щеке парня. Вижу, как в искреннем удивлении взлетают вверх брови. Надо бежать, чтобы не получить сдачи. Но я, будто окутанная наркотическим облаком, застываю и не могу оторвать от него глаз. Каждое движение этого хама — будь то легкое дрожание век или озадаченный поворот головы — словно гипнотизирует меня.

«Никто не смеет тронуть меня! Больше никогда». Я буду царапаться, буду кусаться и биться за свою свободу до последнего вдоха. И он должен знать это.

Поэтому я — с высоко поднятой головой — выдерживаю ледяной взгляд парня. Его лицо — очень

- Обаятельное чудовище -

близко, и мы смотрим друг на друга всего пару секунд, но тянутся они, кажется, вечность.

Грубиян уверен в себе, но и я теперь — совершенно другой человек. И не намерена терпеть унижения. Не дожидаясь ответного удара, я делаю то, чего мне хочется сейчас больше всего, — стираю самодовольный оскал с его лица: быстро надеваю шлем, резко срываю мотоцикл с места и мощным пинком сбиваю его байк с подножки.

— Вот сука! — доносится в спину.

Но слова тонут в рычании двигателя. Я врываюсь в прохладу летней ночи с улыбкой, и момент триумфа сладким послевкусием на целую минуту остужает разгоревшийся в груди пожар. Скорость исцеляет меня, паника немного отступает.

Все позади. Я дома, погони за мной нет.

Так отчего же сердце все еще бьется как сумасшедшее? С трудом привожу мысли в порядок и убираю ладони с уже остывшего сиденья байка. Привычно оглядываю улицу в поисках опасности. Как глупо — ведь мои монстры живут внутри дома, но я все равно ничего не могу с собой поделаться. Наверное, это какое-то предчувствие или инстинкт?

Пробегаю глазами широкую дорогу, соседские особняки, ровные газончики, освещенные желтым светом фонарей, и каждое темное окно в пределах досягаемости. Все тихо и спокойно. Разворачиваюсь, чтобы войти в дом. Неспешно бреду к двери, провожая взглядом заветное окно на первом этаже. Лампа, как обычно, горит только в этой комнате — свет приглушенный, мягкий, потому что исходит от маленького ночника, висящего на стене.

Я открываю дверь ключом, вхожу и закрываюсь на засов. Включаю свет и слышу скрип: в гостиной

появляется сиделка. На ней форменное платье, вязаная кофта и пушистые тапочки.

— Добрый вечер, Наталья, — говорю я.

— Добрый вечер, Марта.

От меня не укрывается, что она бросает взгляд на часы над каминной полкой.

— Извините, я задержалась, — закусываю щеку изнутри.

На самом деле мне не стыдно. Она прекрасно понимает, что мне просто не хотелось возвращаться.

— Ничего страшного, — врет она, оглядывая меня.

Я расстегиваю куртку и бросаю прямо на пол.

— Отнесу в стирку, — бормочет женщина.

— Не нужно, — останавливаю ее недовольным взглядом. — Я сама. Спасибо.

Ей платят не за это, а за работу. И за то, чтобы не задавала мне вопросов и не болтала лишнего при посторонних.

— Тогда... — мнется Наталья и косится на часы.

— Да, конечно. Вы свободны, — перешагивая через валяющуюся на полу куртку, я отворяю ей дверь. — Завтра можете прийти к обеду, я посмотрю за ним.

— Хорошо, — на ее лице проскальзывает облегчение.

Может, она и получает хорошие деньги за свой труд, но работка у нее явно не из приятных, к тому же выходных почти не бывает. И женщина рада тому факту, что до обеда не надо возиться с лежащим больным.

— Кстати, как он? — спрашиваю я, когда она уже собирается уйти.

Сиделка снимает тапочки, надевает туфли и обращивается на порог:

- Обаятельное чудовище -

— Без изменений.

Я задерживаю воздух в легких, не в силах даже выдохнуть.

Она смотрит на мое лицо, и ей кажется, будто она читает мои мысли:

— Теперь, когда он дышит самостоятельно, стало намного легче. Не переживайте, очень скоро мы увидим улучшения.

Ни хрена она их не читает. Я киваю, стискивая зубы.

— Всего доброго, — произносит она.

И я захлопываю дверь прямо перед ее носом.

Раз, два, три — обороты ключа. Тяжелый засов. Воздух с шумом вырывается из моих легких. Прислоняюсь лбом к полотну и дышу. Считаю от одного до десяти. Сердце больно толкает ребра. Оборачиваюсь и прислушиваюсь к тишине. Мне кажется, что вот-вот услышу шаги. Но это невозможно. Он не выйдет мне навстречу. Он просто не сможет.

Зажмуриваюсь, открываю глаза и приказываю себе забыть о страхе. Тихонько крадусь через гостиную в комнату, дверь в которую чуть приоткрыта. Заглядываю. Теплый свет ночника позволяет выхватить из темноты лежащее в кровати тело. Долго смотрю, ожидая, что он пошевелится, но ничего не происходит. Ноги и руки остаются неподвижны.

— Привет, — надтреснутым голосом говорю я.

Делаю шаг вперед и включаю свет.

Его глаза открыты. Не спит. Пытается посмотреть на меня, но закованное в недвижимое тело сознание не дает ему такой возможности. Зрачки беспомощно бегают в глазницах, мозг отдает

команды, но даже уголки губ не дрогнут в попытке их исполнить.

Я прохожу, ставлю стул и сажусь так, чтобы он мог видеть меня.

— Вот, — улыбаюсь. — Испытывала сегодня новый байк.

Мы смотрим друг на друга, и по моей спине бегут мурашки.

— Если бы ты только мог его видеть, папочка... Литровая Honda, красная с черным... Пушка! — облизываю губы, пытаюсь не выдать эмоций, но дрожащий голос все же предает: — Знал бы ты, сколько он стоит!

Хочется понять по одному лишь взгляду, что бы он ответил, если бы мог говорить, но у меня не получается.

— Это твой подарок, — сообщаю я. — Ты ведь хотел, чтобы у меня было все самое лучшее? Да?

Он молчит, и у меня внутри все переворачивается. Желудок будто кто-то когтями рвет — так сильно я нервничаю.

— Самое страшное, что у меня никого, кроме тебя, нет. Представляешь? Мы с тобой совсем одни. Нас всего двое.

Он закатывает глаза к потолку, не в силах смотреть на меня. Но я жду. Жду, сколько понадобится, пока его взгляд не вернется к моему лицу, и только потом продолжаю:

— Как думаешь, этот мир примет меня за нормальную? А? — с силой сжимаю челюсти, чтобы не дать волю слезам. — Я похожа на нормального человека, папочка? Ну, скажи!

Он сверлит меня взглядом, и я, кажется, понимаю, что он чувствует.

- Обаятельное чудовище -

— Ты думал, что у меня не получится. Но я делаю успехи. Я почти как они. Совсем не отличить. Еще немного постараться, и никому даже в голову не придет, что со мной что-то не так.

-2-

Тим

Мне несказанно везет: аптека на первом этаже моего дома еще открыта. Сквозь стекло витрин я вижу провизора — ту самую рыжеволосую нимфу, которая на прошлой неделе продала мне таблетки от боли в горле. Она тогда так недвусмысленно улыбалась, наваливаясь на прилавок и демонстрируя свои буфера, что я чуть было не высадил к чертовой матери из машины девицу, которую привез из клуба, и не бросился ее соблазнять.

— Добрый вечер, — говорит она, когда я вхожу. Поднимает взгляд и расплывается в улыбке: — Ой, здрасте, это вы...

— Привет! — бросаю я небрежно.

— Как горло? — рыженькая расправляет плечи.

Каждое ее движение как приглашение. Черт, нельзя ведь такое игнорировать, правильно? Раз уж я подобным образом действую на женщин, нужно пользоваться моментом.

— Все нормально, — ухмыляюсь я. — А ты переживала?

Это замечание застает ее врасплох. Она растеряна и не знает, как реагировать. Почти реактивно быстрый переход с «вы» на «ты», да еще и с наме-

ком. Тут либо нет, либо да. Или, что вероятнее: «О да, детка, да!»

— Я рада, что лекарство помогло, — поджимает губки рыженькая. — Тогда... — глаза вспыхивают огоньком надежды. — Случилось что-то еще?

Она внимательно следит за движениями моих рук. Достая бумажник, что ее немного разочаровывает: значит, я пришел по делу.

— Вроде того, — наклоняюсь над прилавком. — Мне нужно пополнить запасы.

Ну же, милая, соображай.

— Просто скажите, что нужно, — облизывая полные губы, просит она.

— Презервативы, — улыбаюсь я, заставляя ее покраснеть.

Какая прелесть! Смотрю, как ее щеки покрываются румянцем, и мне хочется рассмеяться. Разве не в ее обязанности входит проявлять невозмутимость? Даже если я попрошу у нее волшебных мужских таблеточек и смазку?

— Сколько? — не отводя от меня глаз, спрашивает рыженькая.

Я вспоминаю подтянутую попку соседки, которая, облачившись в обтягивающее платье, пришла ко мне просить о помощи, и сразу представляю огромную упаковку презервативов длиной с чертову патронную ленту.

— Много, — говорю я. — И побыстрей бы.

Ведь красотка-соседка сидит и ждет, когда я вернусь и забью ей пару гвоздей в стену, даже не зная, что и куда я планирую забивать.

— Ого, — удивленно и слегка обиженно вскидывает бровки провизор, — намечается вечеринка?

— Что-то вроде, — киваю я, заглядывая в ее де-

- Обаятельное чудовище -

кольте. — Я такой неугомонный, поэтому лучше за-
пасться как следует...

Пока девушка ходит вдоль прилавка, инспектируя
ящички с запасами медикаментов, не отрываю глаз
от ее фигурки. Даже скучный белый халат не спосо-
бен скрыть всех достоинств рыженькой.

— Может... ну ее, вечеринку? — томно спрашивает
она, подвигая ко мне упаковку резинок.

— Знаешь, как потратить мое время с большей
пользой? — усмехаюсь я, подаваясь вперед и втяги-
вая носом запах ее дешевых духов.

— Есть парочка идей... — улыбается она.

Через минуту мы уже в темной подсобке. Упаков-
ка презервативов распечатана, и мне приходится
прерваться, чтобы надеть один из них. Едва дело
сделано, грубо задираю ее юбку, умелым движением
стягиваю белье. Подхватывая девицу на весу и под-
держивая за бедра, прижимаю ее спиной к стене
и мощно ударяюсь в нее бедрами.

Она стонет, выгибая спину и ударяясь затылком
о стену. С каждым новым толчком охает все громче
и принимает меня все глубже. Ускоряю темп.

Никаких прелюдий, никаких поцелуев. Мы слов-
но соревнуемся, кто первым придет к финишу — чу-
жие чувства нас не волнуют. Рыжая кричит, не стес-
няясь того, что кто-то может войти в аптеку в столь
поздний час. Руки мечутся по моим плечам, пальцы
больно впиваются в кожу, и чем ближе финал, тем
отчаяннее становятся ее стоны.

— Вау... — судорожно выдыхает она, когда все уже
кончено.

Я опускаю ее на пол, как ненужную вещь, и ры-
жая едва не теряет равновесие. Дышит тяжело, ноги
ее будто не слушаются.

— Да, это было... весело, — пытаюсь отдышаться я.

Ускоренный до предела пульс бьет набатом в виски. Яркое, быстрое и короткое наслаждение — это то, что было нужно для снятия накопившегося за сутки напряжения. В теле теперь пустота и легкость. Кажется, даже мысли прояснились.

— Повторим как-нибудь? — предлагает она, неуклюже поправляя юбку.

— Разумеется, — отвожу сытый, довольный взгляд.

Когда мы возвращаемся в торговый зал, я достаю бумажник, но ее рука останавливает меня на полпути:

— Не надо, — рыжая швыряет мне вскрытую пачку презервативов. — За счет заведения.

Она лукаво смеется. Раскрасневшееся лицо залито торжествующей улыбкой.

— Да ты святая! — удивляюсь я.

Забираю упаковку и ухожу прочь, мечтая смыть с себя поскорее дешевый приторный запах ее духов.

— Эй, ты обещал заглянуть! — ловит меня в коридоре соседка.

Она стоит на пороге своей квартиры, невинно хлопая накрашенными ресницами.

«Ну что, приятель, — спрашиваю я, — у тебя еще остались силы?»

В районе ширинки настойчиво подрагивает и наливается тяжестью.

«Остались...»

— Ходил за молотком, — объясняю я, направляясь к соседке.

— И где он? — хихикает она, оглядывая меня с ног до головы.

- Обаятельное чудовище -

— Кто?

— Молоток.

Приближаюсь, пристально смотрю в глаза. Замечаю, как расширяются зрачки, как в волнении подрагивают уголки губ. «К чему терять время, если можно сразу перейти к делу?» Беру ее руку и бесцеремонно кладу туда, где уже стало ужасно тесно.

— Я вообще-то имела в виду... — краснеет она, пытаясь убрать ладонь.

Но я держу крепко.

— Да брось, — вталкиваю ее в квартиру и закрываю за нами дверь. — Не говори мне, что я неправильно тебя понял.

Марта

Я вхожу в здание фирмы, и на меня смотрят как на инопланетянку.

Не будь я дочерью одного из акционеров, вышвырнули бы без разговоров, но строгий охранник возле рамки металлоискателя вынужден, сжав зубы, поприветствовать меня улыбкой и пропустить. Он отходит в сторону, но его взгляд и не думает скрывать неприязнь: всем своим видом я порчу имидж роскошного места.

Рваные джинсы, черная косуха, мятая майка и большая жвачка во рту. Образ развязной неудачницы дополняют грубые тяжелые ботинки на толстой подошве. Охранник недовольно морщится, но никто здесь не в силах запретить мне пройти туда, куда захочу.

И уж точно никто из этих холеных, двуличных, мерзких богатеев, еще помнящих меня забитой дев-

чонкой в вязаном свитере и с косичками, не посмеет что-то вякнуть о моем внешнем виде.

Единственный человек, который был способен повлиять на меня хоть каким-то образом, теперь стал моим заложником. И именно я теперь говорю от его имени. Ирония судьбы, не иначе.

— Вы куда? — секретарша с обильно накрашенными губами подсказывает со стула, замечая мое приближение. — Стойте!

— К Эдику, — сухо бросаю я и толкаю дверь в его кабинет. — Можно?

— Я ей говорила, что нельзя! — визжит секретарша через мое плечо.

Эдуард Викторович вынужден спрятать стеклянную пилочку для ногтей в ящик стола и спешно подняться.

— Все в порядке, Юленька, — бросает он недовольный взгляд на секретаршу и указывает мне своей маленькой ручкой на свободное кресло. — Марта, проходи, садись.

— Привет, — падаю в кожаное кресло и вытягиваю ноги.

Секретарша хлопает дверью, а Эдик, еле сдерживая рвущийся наружу гнев, оглядывает мои ботинки. Почти физически чувствую эмоции, которые у него вызываю, и это меня забавляет. Знаю, что в любом случае он не сорвется: будет терпеть до конца, а потом действовать исподтишка. Такие, как он, никогда не грубят, боясь ответной реакции, они — тихие истерики, привыкшие использовать власть и деньги в холодной войне.

— Не могла постучать? — спрашивает он, подпирая задом собственный стол.

- Обаятельное чудовище -

— А что? Боялся, что застану тебя за просмотром гейского порно? — ввинчиваю я.

И Эдик стойко выдерживает мой выпад. Только выщипанная и умело подкрашенная темная бровь ползет вверх.

— Девочка, вот чего тебе не хватает? — улыбается он. — Почему ты принимаешь меня за врага?

Я подтягиваю ноги и выпрямляюсь, готовясь атаковать:

— Ты был у его лечащего врача. Мне сообщили.

— И?.. — спокойно спрашивает он.

— Тебе недостаточно того, что я лично докладываю тебе о его здоровье?

По ухоженному лицу Эдика пробегает волна недовольства.

— Я просто хотел убедиться, что все в порядке. Совет директоров волнуется, ты должна понимать.

— Поэтому ты спрашивал, сколько я трачу на его лечение?

Он кивает.

— Я — поверенный твоего отца, дорогуша, — его кадык дергается, толстые пальчики-сосиски складываются в тугой замочек. — Я веду его дела, поэтому мой интерес в области ваших расходов естественен.

— И что? Выяснил? — огрызаюсь я.

— Да. Информация вполне обнадеживающая.

— Убедился, что я тебе не врал? — продолжаю злиться.

Эдик двумя пальцами поправляет зализанные волосы. Меня раздражает его манерность, хочется сплюнуть прямо на пол. Какое же все здесь фальшивое, тьфу!

— Послушай, Марта, это нормально, что мы беспокоимся за твоего отца, — продолжая играть роль заботливого дядечки, говорит он. — Не нужно воспринимать все в штыки. Мы — его и твои друзья.

— Да ладно! — впиваясь в подлокотники пальцами, смеюсь я. — Спите и мечтаете, как бы урвать его долю!

— Прошу тебя, не забывайся, — устало закатывает глаза мужчина.

— Милый Эдуард, — изрядно устав от его кислой вежливости, говорю я, — со мной можешь не юлить. Я в курсе, что за деньги ты и мамку родную продашь. И я тоже имею право проверить, действуюешь ли ты в интересах моего отца или же совсем наоборот. Усек?

Тревожно оглядев собственные ногти, он возвращает взгляд на мое лицо:

— Ничего, он поправится и сам проверит.

В моей душе разгорается огонь ярости. Я закидываю ногу на ногу и усмехаюсь.

— Это тебе его врач сказал?

— Он, конечно, не готов давать точных прогнозов, но надеется, что утраченные функции твоего отца будут возвращаться, — мужчина больше не улыбается. — Речь, движения — никто не знает, что и когда вернется первым, но как только он сможет говорить или писать, то приступит и к управлению делами.

Мне хочется показать ему средний палец, но приходится сдерживаться.

— А пока этого не произошло, я говорю за него — и я решаю! — напоминаю.

— Разумеется, — Эдик, не сводя с меня взгляда, нервно крутит на руке дорогие часы. — Но в данный

- Обаятельное чудовище -

момент именно я контролирую твои расходы, Марта. И знаешь... наверное, не стоит больше потакать твоим капризам. Сумма, потраченная на мотоцикл, существенно превышает жизненно необходимые расходы подростка твоего возраста. Вряд ли бы отец одобрил эту покупку...

Он снова улыбается, сверкая идеальной керамикой.

Думает, что выиграл раунд, но нет.

— Я не спрашиваю, куда ты тратишь свои деньги! — рывкаю я, указывая на него пальцем. — Ты хорошо справляешься с работой и получаешь за это бабки. Мои бабки, Эдичка! И должен понимать, что, едва мне исполнится восемнадцать — а ждать осталось всего две недели, — я смогу оформить опеку и распорядиться всем, что ему принадлежит. В том числе и делами фирмы. И... — я задираю голову выше. — И смогу передать руководство делами кому-то более квалифицированному, чем ты...

Та-дам! Он бледнеет, а я откидываюсь в кресле, чувствуя, что попала в точку. Этот слизняк никак не ожидал, что я окажусь умнее безмозглой креветки и начну интересоваться тем, на что имею право.

— Конечно, — сглотнул мужчина. — Ты можешь.

— Ведь я — его *дочь*, — киваю я, победно ухмыляясь.

— Но я рекомендовал бы тебе не делать поспешных шагов, Марта. Бизнес — это не просто суета вокруг больших денег, здесь все сложно устроено...

— Не сомневаюсь.

— Давай действовать сообща, — предлагает он, хитро обходя острые углы наших взаимоотношений. — Ты же понимаешь, что я забочусь о твоём благосостоянии?

— Естественно, — цежу сквозь зубы. — И если узнаю, что ты вставляешь мне палки в колеса... А, поверь, я узнаю. Если мне будет плохо, тебе тоже не поздоровится. Обещаю.

— Марта... — он склоняет голову набок.

— Ладно, давай жить дружно, Эдуард Викторович. Считай, что ты делаешь все то же самое, только сменился твой руководитель. Ты же понимаешь, как лучше для бизнеса? Вот и делай как лучше. Я не буду лезть, — пытаюсь сохранять невозмутимость, откидываю волосы с лица. — Но не трогай меня. Считай, что мы — самые лучшие друзья. Как ниточка и иголочка — всегда рядом.

Ему очень не нравится то, что он слышит. Толстяк уже почувствовал власть и силу, а теперь ему приходится мириться с закидонами молоденькой девчонки. Непорядок. Эдик миролюбиво кивает, но я вижу, как надувается венка на его шее.

— И мне нужно пока еще согласовывать твои расходы, Марта, — говорит он.

— Я подумала об этом, — лезу во внутренний карман куртки.

— Интересно.

— Просмотрела список, который ты прислал, — достаю из-за пазухи свернутый вчетверо лист, на котором Эдик по моей просьбе указал все, чем владеет акционерное общество и мой отец в частности. Протягиваю ему. — Я отметила карандашом.

Мужчина хмурится, изучая пометки.

— Что это?

— Выделила интересующие меня пункты, — встаю и подхожу к нему. — Мы можем заключить временное устное соглашение. Ты распоряжаешься голосом отца на совете директоров и защищаешь мои

- Обаятельное чудовище -

интересы до его выздоровления. А взамен отдаешь мне небольшой кусок пирога, чтобы я могла обеспечивать себя.

— Хочется поиграть в руководителя?

— Нет, Эдичка, — хлопаю его по плечу. — Просто не хочу, чтобы ты и твои шныри лезли в мои дела и проверяли, сколько и куда я трачу — и как живу. Хватит следить за каждым моим шагом. Это я должна контролировать тебя, а не наоборот.

— Думаю, я смог бы договориться... — он указывает на один из пунктов. — Для фирмы не будет чрезмерной потерей, если под твоим руководством обанкротится незначительное предприятие. К примеру, вот такое.

— Это не то, что было мной отмечено, — напрягаюсь я.

— Начни с малого, Марта. Совет директоров не пойдет на то, чтобы сразу отдать тебе что-то крупное.

— Если захочу, то смогу управлять всеми ими — у меня решающий голос!

— Формально — да, — улыбается Эдик. — Но я не советовал бы тебе ставить ультиматумы этим людям. Ты — не твой отец, и они не захотят прогибаться под бунтующего подростка.

— Но здесь... — я читаю строку с каким-то названием и сжимаю кулаки. — Тут всего одна вторая в собственности какого-то клуба и ресторана!

— Забрали за долги у одного коммерса. Все равно бы продали с молотка, это ведь не наш профиль. Бери.

— А вот и возьму, — соглашаюсь я. — Поставь в известность кого надо и перешли мне документы.

С гордо поднятой головой направляюсь к выходу.

- Лена Сокол -

— И все равно, — напоминает Эдик, — твоему отцу бы это не понравилось.

— Слава богу, его никто не спрашивает! — бросаю я и выхожу из кабинета.

-3-

Тим

— Просыпайся!

— Отстань...

— Просыпайся, говорю!

Нет, она точно не отстанет. Приходится перестать притворяться мертвым.

— Зануда... — бормочу, пытаюсь разлепить веки.

По глазам бьет свет. Я — в своем кабинете. Который, мать вашу, час?

— Поднимайся, уже обед, — говорит Дашка, открывая окно.

— Всего лишь обед? Отстань, женщина, я только лег!

Она матерится себе под нос, сгребая со стола окурки и выбрасывая их в пакет. А я часто-часто моргаю, пока ее прекрасная задница не перестает расплываться перед глазами.

— Зачем ты вообще купил этот клуб? — ворчит она, потрясая перед моим лицом пакетом с мусором. Наклоняется, подбирает с пола бутылку и тоже швыряет в него. — Чтобы отсыпаться здесь? Но у тебя есть квартира! Чтобы водить сюда баб? Это тоже можно делать на своей территории! Ну ты и козлина, Левицкий!

- Обаятельное чудовище -

— Дашка, — мычу я, — опять ПМС? Милостивый боже, пятый раз за месяц! Тебе бы проверить свое здоровье!

— Заткнись, или я тебе сейчас врежу! — приказывает она, отставляя пакет к стене. Возвращается к окну и открывает створки шире. — Дышать нечем от твоего перегарища! Фу!

— Только не свежий воздух! Не надо отравы! — молю я, отворачиваясь и начиная кашлять.

За что тут же получаю пинок под зад.

— Ай! Больно же...

Похоже, девчонка завелась не на шутку.

— Я с тобой серьезно разговариваю, Левицкий! Очнись! Тебе бы провериться с твоей озабоченностью. Каждый день разные бабы! Мерзость!

— У меня все по уму, — зеваю я. — Можешь не переживать.

— Я понимаю, что тебя все хотят. Тут как в бесплатной булочной: дают — и берешь, даже если не хочешь! Но, блин, это ненормально, Тим! Ненормально!

Все-таки поворачиваюсь, чтобы наградить ее злобным взглядом:

— Завидуешь?

— Я? Да не смейся! — девушка упирает руки в бока. — Чему здесь завидовать?

— С тех пор как ты связалась с пианистом, ты тоже потеряна для общества. Я так не хочу, — меня передергивает, как от съеденного лимона. — Сначала Вовка женился на какой-то чертовке, теперь стерва никуда его не отпускает, потом Ян стал тусить с Кариной! Даже в клубе оттянуться не с кем! Кого ни дерни, все такие семейные, занятые. Тухлые, короче! А теперь и ты туда же!

- Лена Сокол -

— Они просто *счастливы*, — качает головой Дашка. — Им неинтересны твои вечеринки.

— А что им интересно? С бабьем сидеть дома перед телевизором? Никогда не поверю!

— А ты представь. Мне вот с Яриком интересно. И никуда не тянет. А тебя мне жаль. Доперебираешь своих баб, а потом поймашь какую-нибудь заразу, так и знай!

Я подтягиваюсь, сажусь и прохожусь ладонями по коротким волосам, приводя себя в чувство. От ее писка у меня в висках уже гудит. Вот назойливая муха!

— Говорю тебе, Колбаса, у меня все по уму. Богатая, насыщенная событиями личная жизнь. Я в шоколаде.

— Ага.

— И не виноват, что я такой ненасытный.

— Ага-ага, — кивает она.

— Вчера пришлось дважды утолять голод своего зверя, — хвастаюсь.

— Которого? — кривится Дашка, оглядывая меня. — Того похотливого хорька, который как заведенный мечется и мечется от одной теплой норки к другой?

— Иди ты! — ржу я, откидываясь на спинку дивана.

— И как у тебя сил только на всех хватает?

— У меня и на тебя есть, — играю бровями. — Если вдруг пианист не удовлетворит тебя, приходи.

— А ты ужасно озабоченный. Фу, — морщится она.

— Да не озабоченный я!

— А откуда тогда порно на твоём компе?

— Какое порно?

- Обаятельное чудовище -

— Я вчера просила ребят посмотреть, что за вирусы атаковали твой компьютер, оказалось, что у тебя в истории просмотр — одни порносайты!

— Да?

— Игривые мулаточки, припоминаешь?

— А... — кашляю я. — Вроде...

— Славянские пышечки? Развратные азиатки?

— И еще озорные шоколадки...

— Вот именно, — морщится Дашка. — Гадость!

— Надо же мне куда-то девать энергию, Киса? — улыбаюсь я и протягиваю к ней руки.

— Даже не думай, — девушка мотает головой. — Если мой парень увидит, как ты меня тискаешь, ты получишь от него фингал под вторым глазом.

— Если ты не против, — подмигиваю я, — то фингал — не самая большая цена за секс с тобой. Иди, закрой дверь, и я покажу тебе, сколько у меня осталось сил.

Дашка устало выдыхает.

— Кончай паясничать, Левицкий. Ты опять уходишь от серьезных вопросов. Я же в очередной раз напомнила тебе, что ты не помогаешь мне с клубом. С твоим, между прочим, клубом! Неужели тебе совсем не интересно? Ведь я просто управляющая, и если мне придется уйти, то у тебя здесь все затухнет, вот увидишь!

— Женщины говорят, что им со мной хорошо, — не сдаюсь я.

Подхожу ближе и соблазняю ее обаятельным взглядом хищника.

— Им весело, но не более, — заявляет Дашка. Не выдерживает и смеется. — Хватит корчить рожи! Ты ужасен!

– Ты такая сексуальная, когда сердисься, – я растегиваю рубашку.

– Понятно, – злится она, обходя меня. – Разговаривать с тобой о серьезных вещах бесполезно!

– Пупсик, – мычу ей вслед, – прости меня, дурака!

– Умойся и приходи в кухню ресторана. Так и быть, сделаю тебе кофе, котяра ты наш мартовский!

– Мяс, – выдыхаю я и падаю на диван.

Не думал, что после того, как единственный, по сути, друг, моя боевая подруга Дашка начнет встречаться с кем-то, мне станет так плохо и тоскливо. Нет, у меня, конечно, вагон друзей, все меня любят, но, блин... Не думал, что я так сильно привязан к девчонке! Наверное, это что-то вроде ревности: теперь у нее есть ее гребаный Ярик, а я – опять один. Как не пришей рукав к чему-то там, сами знаете к чему.

Бесит!

Делаю над собой усилие, встаю и иду умыться. Хорошенькие официанточки строят глазки шефу, а я улыбаюсь им в ответ, но не более. После того как я потоптал всех курочек, что трудились в моем клубе и в ресторане, Дашка обновила штат и строго-настрого запретила мне хозяйничать на ее территории. Орала что-то про «пусти козла в огород» и про мой последний шанс. В итоге пообещал ей, что больше ни-ни, теперь вот – страдаю.

Приведя в порядок внешний вид, устало бреду в кухню ресторана. Знаю, что Дарья не станет отчитывать хозяина заведения при подчиненных ни за разгильдяйство, ни за кобелизм, но все равно переживаю – выдерживать на себе ее гневный взгляд

- Обаятельное чудовище -

дольше трех секунд подобно радиационному облучению.

Плетусь по коридору, предвкушая, как буду пить горячий и ароматный кофе, и вдруг что-то заставляет меня остановиться и прислушаться. Рычание мотора. Бросаю взгляд в окно и застываю.

— Моя ж ты лапа. Сама прикатила...

Наблюдаю, как красно-черная Honda паркуется у входа в ресторан, оглядываю водителя и довольно цокаю языком.

— Ну что ж, поиграем...

Марта

Весьма приличный ресторан. Окна в пол, дорогая отделка, уютно, много зелени и света, вежливый персонал. Столик я не заказывала, но девушка-администратор находит для меня свободное место, провожает до симпатичного закутка в углу и подает меню. Заказываю кофе и десерт. С удовольствием замечаю, что никому и в голову здесь не приходит бросать на меня косые взгляды.

Обвожу глазами зал. Посетители мило беседуют, не обращая внимания на посторонних, сотрудники прекрасно справляются с обслуживанием, а я тем временем могу спокойно и внимательно оценить обстановку и фронт будущих работ.

Все-таки ресторан привычнее: их мне доводилось посетить немалое количество. Разобраться с клубом будет труднее — в подобных заведениях я не бывала ни разу, даже несмотря на то что свое освобождение из вынужденного заточения организовала почти полгода назад.

— Спасибо, — киваю официанту, который подает мне кофе и кусочек французского пирога.

— Что-то еще? — сдержанно улыбается он.

— Нет, благодарю.

Когда паренек удаляется, достаю чистый блокнот и делаю пометочку: «Прикасаются к верхней трети стаканов руками, выходят в туалет в рабочем фартуке, забывают принести столовые приборы». М-да, будет над чем поработать.

Оглядываюсь в сторону холла. Просторное помещение, куда попадаешь, едва входишь в ресторан, и где тебя встречает администратор. Разочарованно качаю головой: двое качков-охранников, наряженных в строгие костюмы с бейджиками, фоткают друг друга на мобильные телефоны, позируя, словно модные фифочки. Или они тупые, или думают, что никто их сейчас не видит.

Делаю пометку: «Охранники — дебилы». Надо будет обновить штат.

Мелкими глотками пью кофе и почти наслаждаюсь царящей тут атмосферой. Здесь я почти своя. Никому и в голову не придет подумать, какой ценой я купила себе эту новую жизнь.

Документы! Осознание того, что папка с бумагами, которые прислал Эдик, осталась в багажнике байка, приходит внезапно, но очень вовремя. Хорошо, что не успела заявиться к управляющему без документов, доказывающих мое право владения половиной доли в обоих заведениях.

Встаю, бросаю пару купюр на столик и торопливо направляюсь к выходу. Охранники в холле продолжают фотосессию. Толкаю стеклянную дверь и оказываюсь на залитой солнцем улице. Надо же, солнце решило разыграться, а я уже думала, что

- Обаятельное чудовище -

в этом городе не будет нынче лета. Так, где я оставила свой байк?

Озираюсь по сторонам. Кажется, там. Прохожу два десятка метров, прежде чем замечаю, что окруженный с двух сторон дорогами тачками мотоцикл беспомощно лежит на боку.

— Не поняла...

Подбегаю и пару секунд в недоумении разглядываю распластанного на асфальте железного коня. Какого черта?! Кто это сделал?!

Подхожу ближе.

Эй, кто его уронил? Не знаю, с какой стороны подступиться. В такой ситуации мне бывать еще не приходилось. Берусь за руль двумя руками, тяну на себя.

— Ы-ы-ы...

Не поддается. Огромная махина даже не двигается. Пробую еще. Тяну, дергаю изо всех сил, краснею, потею, рычу. Результат нулевой. Может, тот, кто парковался, задел его, и байк повалился на бок? Ну и дела... Вроде центр города, а такой беспредел!

— Помощь нужна?

Голос заставляет меня подскочить на месте. Я еще не обернулась, но ощущение подкрадывается какое-то нехорошее. Неужели я знаю его?

— Что? — поворачиваюсь.

И в лицо мне бьет не солнце, а его взгляд. Рассерженный, суровый, словно по моей вине в его жизни что-то идет не так. Модные голубые джинсы, рубашка с закатанными до локтей рукавами, не способная скрыть налитых, крепких мышц. Парень разъярен и смотрит на меня так, будто ждет извинений.

— А... это ты... — выпрямляюсь я.

И сглатываю. Потому что узнала его. А он продолжает буравить меня взглядом. И эти глаза... светло-зеленые, почти прозрачные. Я запомнила их темными, почти дьявольскими, но сегодня они — как волны океана, такие же глубокие и безжалостные — обжигают льдом.

— Я, — кивает он и улыбается. Только улыбка его отчего-то больше похожа на звериный оскал. — Не это потеряла?

Он достает что-то из-за спины и швыряет мне под ноги.

«Что?» — хочу спросить я, но не успеваю издать ни звука.

К моим ногам, звеня об асфальт, падает железка. Моментально догадываюсь, что это, и внутри рождается буря негодования.

— Значит, ты, придурок, скрутил мне подножку? — восклицаю.

И не лень же ему было? Копаться, откручивать, ронять мой байк! Он что, следил за мной? Все ради никчемной мести?

— На мотик насосала, а поднять ума не хватает, да? — с насмешкой говорит он.

Достает сигарету и прикуривает.

— Такой жлоб вымахал, а ума хватает только на мелкие пакости? — парирую я, поднимая с асфальта подножку. — Иди, прикручивай на место!

Он закатывает глаза и смеется.

Вот гад! Ничтожество!

— Получай за твои понты! — улыбается парень, обнажая ровные белые зубы.

Я смотрю на него и до боли прикусываю губу. Породистый, грубый кобель! Ухмыляется, выдыхает дым в мою сторону. А лицо-то какое! Самодо-

- Обаятельное чудовище -

вольное. С правильными, красивыми чертами, без изъянов. Точно кто-то его короткими штрихами рисовал, добиваясь безупречности. Как приятно было бы врезать еще раз с размаху по наглой роже! Мм...

Но парень, ловким движением швырнув мне под ноги недокуренную сигарету, разворачивается и... уходит. А я остаюсь, хватая ртом воздух и сотрясаясь от подобного хамства.

Козел! Попадись мне еще только! Я тебя...

Подлетаю к мотоциклу, прихватываю его слева за руль, а правой рукой — за корпус.

Тяну, но сил недостаточно.

Honda приподнимается, а затем с глухим стуком падает обратно.

Я рычу:

— Ар-р-р-г-г-г-х!

Ну и упырь!

Нажимаю на кнопочку, откидываю сиденье, достаю папку с документами, закрываю потайное отделение. Выпрямляюсь, откидываю волосы назад и сдуваю оставшиеся на лице пряди. «Ну держитесь!» Сунув папку под мышку, решительно направляюсь к входу в ресторан.

— Здорово, мужики!

Придерживаю дверь, ожидая, пока охранники заметят меня.

— Здравствуйте, — отзывается один, пряча телефон в карман.

Другой просто кивает и напускает на себя серьезности, одновременно увеличиваясь в размерах, как обычно это делают качки, напрягая свои мускулы.

— Не хотите помочь даме?

— А что случилось?

— Что нужно сделать?

— Идем, — показываю я на выход, открывая дверь шире.

Они переглядываются.

— Не-а, — произносит первый. — Мы на службе, нам туда нельзя.

— Пошли, я сказала, — мое терпение на исходе.

— Вы, дамочка, не буяньте, — ласково добавляет второй.

— Ясно, — отпускаю дверь и вхожу внутрь. Достая папку с бумагами, нахожу нужную страницу и предъявляю им. — Читать умеем?

— Ага.

— Тогда читаем, — и сую им под нос. — Побыстрее.

Две здоровенные гориллы в костюмах долго плятятся в строчки документа.

— Ну что? Врубаетесь?

— Не-а, — одновременно говорят они.

— Блин, двое из ларца! Да как так-то? — Я поворачиваю бумагу к себе, опасаясь, что показала не ту, но с документом все в порядке. Черным по белому. — Здесь сказано, что я — совладелица заведения. Понятно?

— Ага, — кивают дружно.

— Как зовут? — спрашиваю, оглядывая обоих снизу вверх.

— Вадик, — отвечает невысокий и темненький.

— Никита, — отзывается второй, что повыше и выкрашен в блондина.

— Что ж, Вадик-Никита, с этого момента вы — мои подчиненные, андестенд? А я, — тычу пальцем себя в грудь, — ваш начальник. Понятно?

— Ага, — медленно кивают они. И переглядываются.

- Обаятельное чудовище -

— Если не хотите вылететь с работы, то быстро подорвались и пошли за мной!

— Ага.

Идиоты...

Выхожу на улицу и показываю на байк:

— Поднимите мой мотоцикл.

Охранники подрываются, подбегают и поднимают Honda с земли, точно пушинку.

— Умнички, — улыбаюсь я. — А теперь, Вадик-Никита, видите подножку? Ее нужно прикрутить на место. Вот сюда.

Блондин берет подножку и пытается приладить. Не получается.

— Здесь должен быть болт, — говорит он.

— Хм, — оглядываю асфальт, но не нахожу ничего подобного. — Черт! Ладно. Будете сторожить байк, пока я не вернусь, ясно?

— Ага.

— Не отпускать!

И, размахивая папкой, как знаменем, возвращаюсь в здание ресторана.

Тим

— Это будет забавное зрелище, — в предвкушении потираю ладони.

По пути заглядываю в кухню, забираю уже остывший кофе, шлепаю повара Арину по заднице, за что в ответ получаю удар ложкой промеж лопаток. Хорошо хоть не ножом! Быстро отхлебываю сразу полкружки и захожу в помещение для охраны.

— Дай-ка мне мониторы сюда, — бросаю вместо приветствия начальнику охраны.

Наклоняюсь над экраном и едва не давлюсь кофе.

— Не понял...

— Что? — спрашивает он.

— Можно увеличить? — прошу.

И когда картинка вырастает в размере, напиток чуть не выливается у меня из носа.

— Какого... черта! Что они там делают?!

Оставляю кофе, срываюсь с места и несусь по коридору к выходу. Толкаю дверь, выбегаю на улицу и ору:

— Вы что здесь, два дебила, делаете? — быстро преодолеваю расстояние и останавливаюсь, всплеснув руками в недоумении. — На хрена вы ее мотик подняли?

— Мы... — мнутя они.

— Говори ты, — мычит Вадик.

— Нет, ты, — опускает взгляд Никита.

— Ну же!

— Она нам *приказала*...

— Она вам что?! На каком основании?!

Вадик обиженно надувает губы:

— Как наш начальник.

— Ваш кто? — и у меня даже руки опускаются.

— Сказала, что уволит.

— Не понял, — я кашляю. — Как она вас уволит?

Вы забыли, кто вас на работу принимал?!

Никита устало выдыхает:

— Вы там, Григорыч, разберитесь, ладно? Кто из вас теперь хозяин.

— Вы что несете, недоумки?! — я подлетаю к ним и пинаю байк по переднему колесу. — Мотик отпустили! Быстро!

— Не, — отворачивается Вадик.

— Не-е, — блеет Никита, не собираясь отпускать руль.